

Воспоминания об О.А.

Г.В. Розенблюм

Весной 1968 года я начал посещать Большой семинар В.И. Смирнова. Понимал я не очень много, но старался. Сам В.И. вмешивался не очень часто, а О.А. старалась вникнуть во все доклады и задавала много вопросов.

Меня, даже в те курящие времена, поражало, что О.А. постоянно дымит. Выглядела она тогда намного моложе своих 45 лет, но, конечно, не как Н.Н. Уральцева, которую в начале какого-то из ее лекционных курсов приняли за студентку.

Став аспирантом, я ходил на курс по УрЧП, который О.А. читала для студентов и аспирантов Физфака, но мне и моим коллегам с Матмеха было сильно рекомендовано этот курс прослушать и даже сдать в качестве части кандидатского экзамена.

Впервые я слушал великого математика, рассказывающего о своих результатах. Была, в частности, лексика, нетипичная для обычного курса. Вместо обычных «примем», «продифференцируем», «умножим», или еще более безличного «это умножается», О.А. рассказывала так:

– Чтобы доказать слабую разрешимость этого уравнения, я умножала его на выражение ... и интегрировала.

Один раз даже было так:

– Я умножила, проинтегрировала ... но ничего не получилось. Потом я поняла, что умножать надо на другое выражение, именно, на ...

В 1972 году я был на совместном заседании ЛМО и семинара, посвященном 50-летию О.А. Было сказано много хороших слов. Мне запомнился фрагмент выступления М.Ш. Бирмана, рассказывавшего о своем знакомстве с О.А., случившемся в 50-х. Рассказав о влиянии О.А. на ленинградскую математику того времени, М.Ш. добавил: немалую роль сыграло и то, что О.А. была тогда исключительно хороша собой, и это ее свойство развилось с годами параллельно ее математической силе.

В 1974 году, когда мне надо было защищать кандидатскую диссертацию, М.З. Соломяк долго размышлял, кого пригласить в качестве оппонентов. Быстро мы сошлись на молодом математике В.Н. Туловском из Москвы, который незадолго до того получил интересные результаты вблизи моей темы. Но с оппонентом-доктором была загвоздка. Приглашать М.Ш. Бирмана или Б.М. Левитана было неуместно – получался уже недопустимый в те времена перебор еврейских фамилий. В.А. Садовничий доктором тогда еще не был, А.Г. Костюченко писал внешний отзыв. Я беспокоился, но не приставал к М.З. И тут, неожиданно, когда сроки уже

поджимали, М.З. сказал мне: «А старшим оппонентом согласилась быть О.А.»

Я, конечно, был рад, но в то же время беспокоился, поскольку спектральными вопросами О.А. никогда не занималась. Более того, до дня защиты О.А. мне свой отзыв не показывала (и не присылала, еще лет 20 оставалось до появления электронной почты). В день защиты я, естественно, пришел на Матмех намного заранее, волновался жутко, попытался посмотреть, как проходит защита «спаренного» со мной С.Ю. Пилюгина, но не усидел. И тут появляется О.А. Дает мне свой отзыв, несколько рукописных листов и машинопись без вписанных формул (опять же, до ТЕХа было еще очень далеко), и говорит: «Гриша, тут не очень много, впишите формулы в отзыв». Я отошел в уголок и начал дрожащей рукой вписывать формулы во все нужные 3 или 4 экземпляра отзыва. Успел. Защита прошла спокойно, да и я поуспокоился.

Потом Витя Иврий, который при этом присутствовал, разъяснил мне. На военных кораблях перед боем, чтобы матросы не мандражили, их заставляют драить до солнечного блеска все медные детали. Моряки отвлекаются и успокаиваются. Вот и О.А. придумала медяшку для меня, чтобы я перестал нервничать. Подействовало!

После защиты был банкет у меня дома (потом банкеты запрещали, опять разрешали ...). Рядом с О.А. за столом сидел мой дед, почти 80 лет, старый, тогда еще твердокаменный большевик, профессор-психиатр. И, видимо, не осознав, с кем рядом он сидит, дед стал рассуждать о слабых способностях женщин по сравнению с мужчинами. Помню один из его аргументов был: «Ведь в Политбюро ЦК КПСС ни одной женщины нет!» О.А. отнеслась к такому афронту вполне спокойно и потом никогда мне об этом эпизоде не напоминала.